

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Атлас, составленный
небом

Магистраль. Балканская коллекция

Горан Петрович

Атлас, составленный небом

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Югс)-44

Петрович Г.

Атлас, составленный небом / Г. Петрович — «Эксмо»,
1993 — (Магистраль. Балканская коллекция)

ISBN 978-5-04-202368-2

Милорад Павич об этой книге Горана Петровича сказал так: «...роман "Атлас, составленный небом" подобен горстке соли, оставленной на черный день и найденной тогда, когда пришло время трудностей и нищеты». В предместье одного сербского городка возвышается странный дом. В отличие от окружающих его строений, крытых черепицей, крышей ему служит бесконечность неба. Под столь прекрасной сенью обитают необычные постояльцы — они могут поймать лунный свет, стряхнуть с персикового дерева бриллианты или магией песни пустить созвездия в пляс. Каждый, кто отважился постучать в дверь сего дивного дома, столкнется с доселе неизведанной и прекрасной Вселенной... Самая добрая книга. Сборник чувств, мыслей, состояний. Атлас из метафор и недосказанности. Сначала кажется фантасмагорией, а потом понимаешь, что это просто такая реальность, и уже не можешь остановиться. Волшебный мир магического реализма удивляет и поглощает, и нет желания из него возвращаться. Книга-загадка, книга-клад. А прочитаешь ее, и мир станет ярче, и более человечным станешь сам. И оказывается, что можно оставаться самим собой, мечтать и быть счастливым, не оглядываясь на мнение других. Любитель сказок найдет в этой книге умиляющую и забавную историю о жизни необычных существ, полную самых разных персонажей из народного фольклора. В ней переплетение сербской и русской мифологии. Ценитель афористического языка обнаружит массу гениальных цитат, каждая из которых имеет полное право быть выгравированной золотыми буквами в анналах человеческой памяти. Знаток игры воображения увидит психоделические мотивы, расширяющие сознание. Необычная книга доставит множество удовольствий лирическим юмором и поэтической фантазией. Сербский магический реализм. Книга Г. Петровича близка к творчеству Павича, Борхеса, Маркеса, Кортасара, Эко, Гофмана... Тем, кто любит такой набор смысловых историй,

весьма произвольных по сюжету, можно рекомендовать знакомство с этой книгой.

УДК 821.163.41-31

ББК 84(4Югс)-44

ISBN 978-5-04-202368-2

© Петрович Г., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

О Горане Петровиче, травинке из рукописи и нездешних мечтах	7
Слово благодарности	9
Голубое как следствие успешно осуществленного дела	11
1. О тьме подвальной и чердачной	13
2. Разоблачение некоторых отрицательных явлений в обществе	14
Крыланы-подковники	15
1. Отчасти человек – отчасти сон	16
Господин Половский	20
Появления тети Деспины, чрезмерная тщательность в прическе и весенние работы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Горан Петрович

Атлас, составленный небом

Goran Petrović
Atlas opasan nebom

© 1993, Goran Petrović

© Савельева Л. А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

* * *

О Горане Петровиче, травинке из рукописи и нездешних мечтах

Горан Петрович не похож на человека, родившегося в 1961 году в Кралеве, маленьком сербском городке, сильно пострадавшем во время Второй мировой войны. Тем более он не похож на того, кто окончил там школу. Горан Петрович пишет не так, как написал бы человек, работающий на местном вагоностроительном заводе. Он не похож на того, кто пишет на сербском языке и считает литературным образцом для себя Данилу Киша. Поколение Горана Петровича не похоже на землю, на которой оно выросло, оно стало, может быть, одним из самых странных явлений конца XX века. На своей фотографии Горан Петрович не похож на писателя, сказавшего: «Даже самая маленькая травинка не может вырасти в рукописи просто так, без последствий».

Его книги, особенно две – роман «Атлас, составленный небом» (1993), который русский читатель найдет в этой книге, и сборник «Остров и рассказы его окрестностей» (1996), – можно назвать самыми редкими по своему вкусу плодами, выросшими сегодня в саду сербской литературы. В них проявилась сила и фантазия того поколения, которое беззлобно и радостно сопротивляется данной ему реальности мира и противопоставляет себя разрушению и смерти, которые завладели Балканами и нашими судьбами в начале 90-х годов этого столетия. Сегодня такие книги подобны горсти соли, оставленной на черный день и найденной тогда, когда пришло время трудностей и нищеты.

В этих книгах звучат лучшие из интонаций, свойственных прозе, – лирический юмор и поэтическая фантазия, не нарушающие, однако, повествовательной концепции автора. Сам писатель так говорит о себе: «Я не из тех, кто думает, что мы заплатили слишком большую цену за наши мечты. Я, скорее, думаю, что мы втридорога расплатились за чужие».

Беженцем из абсурда XX века назвала Петровича критик Ясмينا Михайлович в своей большой статье о его творчестве. Вот что она, в частности, пишет:

«Дом – главный герой романа “Атлас, составленный небом” – это, как сказал бы Башлар, волшебное пространство застывшего детства. Оно застыло так же, как застыла праистория. Дом населяют заговорщики духа, защищающие свое время, вечные юноши, доблестно сражающиеся за свою территорию – страну грез и мечты. Снаружи, за пределами дома, зияет бесплодная, всепоглощающая пустота. Книга борется с этим чудовищем пустоты. Кроме того, это каталог фольклорных мотивов сербского и других славянских народов, это миниатюрная антропологическая энциклопедия и справочник существующих и вымышленных растений, минералов, животных, предметов. И, наконец, “Атлас, составленный небом” – это своего рода манифест постмодернистского восприятия мира, человека, уставшего от обыденности и, следовательно, от политики».

Милорад Павич

Atlas specula sive tabulae orbis neue caeli neoue terrae

Достоин кубка, наполненного искренней признательностью, обьчай старых картографов, прежде чем приступить к работе над картами, прилежно «опробовать» на первом листе свое перо. Понятно – не только затем, чтобы приноровиться к нему и «разогреть» руку, но и чтобы как-то помочь будущему обладателю этих карт сориентироваться в том, что его ожидает. Если перо оказалось хорошим – вот радость! – трусливая Пустота, поджав хвост, отступает, и становится ясно (разумеется, не до конца), какие мысли ведут это

перо. Их не так уж много, все поместятся на раскрытой ладони: пятьдесят две надземные главы, пятьдесят два коридора катакомб комментариев и пятьдесят две иллюстрации в скромных рамках образуют не просто пространство для чтения. В этом пространстве желающий может перемещаться вдоль обозначенных и необозначенных дорог, через существующие и несуществующие края, ныряя, чтобы увидеть дно под водой, наклоняясь, чтобы разглядеть привлекающую внимание травинку, приподнимаясь на цыпочки, чтобы всмотреться в тихое облако... Здесь реки когда-то были каплями, а дороги – тропинками, поэтому тот, кто захочет, может на ходу составить небольшой Атлас. Конечно, дело самого составителя, как он распорядится имеющимся материалом, в каком порядке будет класть стены, где устанавливать опоры, оставлять проемы для окон, насколько украсит этот Атлас его собственная фантазия. Картограф надеется, что из его материала можно построить надежное пристанище, откуда открывался бы широкий и роскошный вид. Однако радость его не станет ни на одну улыбку меньше, если из всего предложенного составитель устроит пусть временное, но удобное и теплое место для ночлега, в котором он сможет провести хотя бы одну ночь.

Илл. 1. Картограф. *Проба пера*. 1991. Чернила, бумага. 21×12¹. Архив Тайного объединения развезенных по всему миру сот Вавилонской библиотеки

¹ Здесь и далее размеры приводятся в сантиметрах.

Слово благодарности

Пространство в самом начале, когда глаза читателя еще не утомлены, картограф хотел бы использовать в качестве подходящего места и момента для благодарения. Весенняя ветка сердечной благодарности – самое малое из того, что заслуживают все, кто помог в подготовке материала, внесенного в этот Атлас.

Пространство, открывающееся впереди, заботливо расширили или дополнили те, кто был предложен составителю как связующие звенья: Королевское географическое общество в Лондоне, Национальная библиотека Сербии в Белграде, Галерея Уффици во Флоренции, Музей текстиля в Вашингтоне, Китайская коллекция Восточного института в Чикаго, Третьяковская галерея в Москве, Государственный архив в Венеции, Зал свежести дворца Эскориал, Метрополитен-музей в Нью-Йорке, библиотека Гази-Хусревбека в Сараеве, Галерея зеркал в Женеве, Королевский музей изящных искусств в Брюсселе, Астрономическая обсерватория в Белграде, Музей Топкапы в Стамбуле, Музей стекла (о. Мурано) в Венеции, Югославская фильмотека в Белграде, Институт колдовства в Лагосе, Музей Прадо в Мадриде, Ботанический отдел Академии невидимого в Ленинграде, Музей путешествий в Дели, Комиссариат парков, травы и памятников в Граде, Кабинет карт и глобусов Национальной библиотеки Сербии в Белграде, Общегосударственный легат снов в Париже, Музей игрушек в Михельштадте, Национальная портретная галерея в Лондоне, Египетский музей в Каире, Университетская библиотека в Риме, монастырь Грачаница, Еврейский музей во Франкфурте, НАСА – Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства – в Милуоки, Собрание Государственной музыкальной консерватории в Берлине, Галерея художников-примитивистов в Светозарево, Министерство древностей в Аддис-Абебе, Читальный зал Британского культурного центра в Белграде, Музей Сербской православной церкви в Белграде, Галерея Пуньо Гонсалеса в Лиссабоне, Музей прикладного искусства кочевников в Алжире, Картотека одного министерства в Париже, Галерея каллиграфии в Сремски-Карловцах, Великий музей бумажного кружева, фонариков и воздушных змеев в Пекине и Архив Тайного объединения развешенных по всему миру сот Вавилонской библиотеки.

Разумеется, богатство всех этих собраний нельзя было бы с толком использовать, если бы не доброжелательная и сердечная помощь музейных смотрителей, алхимиков, собирателей карт, историков, шаманов, музыковедов, астрономов, фотографов, орнитологов, звездочетов, археологов, ткачей, каббалистов, вышивальщиц, ювелиров, географов, гончаров, спиритов, архивариусов, библиотекарей, космографов, демонологов, документалистов, журналистов, жрецов, реставраторов, рисовальщиков, толкователей снов, чернокнижников, биологов, архитекторов, землемеров и других людей, которые своими профессиональными советами направляли картографа на истинные пути изучения перечисленных музеев.

К этому, безусловно, следует добавить и особую благодарность всем тем владельцам частных коллекций, которые любезно позволили картографу ознакомиться с содержанием своих собраний.

Также картограф воздает должное терпению, проявленному переводчиками, доброжелательным советам своих коллег, словам одобрения друзей, столь необходимой помощи семьи – все это имело огромное, а иногда даже решающее значение в преодолении трудностей, возникавших по ходу работы.

И под конец все тот же картограф отдельно благодарит составителя, или пользователя (как ему больше нравится), потому что без него весь этот материал так и остался бы лишь материалом; он не превратился бы в какое-то целое – ни в Атлас, ни в пристанище, продолжая быть простым собранием глав, комментариев и иллюстраций, среди которых растут листья

папоротника и мох и где в одиночестве, в морозной безвидности проходят дни грустных слов,
которые никогда не цветут.

Весной Картограф

Голубое как следствие успешно осуществленного дела

Невзирая на серьезное Сашино предупреждение, что было бы разумнее подождать и узнать мнение отсутствующих, в то же утро мы бросили якорь шкалы нашего радиоприемника среди журчания музыки, выпили по рюмке абрикосовой наливки за удачное начало и приступили к осуществлению нашей идеи. Не успели у мужчин сползти засученные рукава, а вся мебель из комнат второго этажа уже стояла на первом. Женщины сновали вокруг, заботливо пряча все хрупкие предметы: посуду, вазы, декоративные тарелки, бутылки, картины, кувшины для воды, настольные лампы, зеркала, медальоны, цветочные горшки, графины, фарфоровые фигурки – в общем, все, что не приучено менять место и в таких случаях (даже при малейшем перемещении) имеет обыкновение нарочно ломаться или, что еще подлее, давать трещину.

Всецело охваченные уверенностью, что взялись за очень важное дело, мы даже не смогли всего упомянуть и потому об усталости просто забыли. Возможно, поэтому чердак был разрушен еще до того, как утро расцвело полуднем. Одним словом, капельки пота еще стекали по нашим лбам, тонкая пыль от штукатурки лепилась к ресницам, треск досок крыши едва успел затихнуть в ушах, а возле нашего дома уже краснели высокие стопки снятой с крыши черепицы.

Снизу, с улицы, доносился шум голосов взволнованных сограждан. Люди стояли, обмениваясь мнениями и показывая руками то на нас, то на довольно крупный кусок чердачной тьмы¹, которая лениво, со скрипом прощалась со стропилами и балками, пока наконец не исчезла бесследно вдалеке, подхваченная мощным потоком воздуха. Хотя собравшаяся толпа была объята слоем недоумения толщиной в аршин (даже самый сильный ветер беспомощен перед тяжестью непонимания) и никто не мог сказать, что же происходит, никто ни о чем и не спрашивал (неужели бы мы не ответили!) до тех пор, пока из массы строгих и озабоченных лиц не выделилось одно, по улыбке более других запоминающееся, постоянная собственность почтальона Спиридона.

– Эй, наверху! – крикнул он в нашу сторону, приподнявшись на носки. – Соседи, помогай вам Бог, что у вас с крышей?

– И тебе того же! Хотим сменить цвет! – Богомил показал рукой на стропила. – В этом году крыша у нас будет, так сказать, голубая!

Почтальон Спиридон в сердцах шлепнул себя по лбу, видимо, раздосадованный тем, что не понял столь очевидную цель наших действий, и после недолгого наблюдения опустился до уровня изумленных свидетелей.

– Люди, дело ясное, они просто меняют крышу! – с гордостью объявил он непосвященным то, что ему удалось узнать, поднявшись на цыпочки. – Была красная, теперь голубая. Вместо черепицы будет небо. Больше не на что смотреть, можете спокойно идти по домам.

Так что ближе к вечеру, когда лепестки дня начали потихоньку закрываться, а мы выносили строительный мусор и оставшиеся куски чердачной тьмы, чистили паркет и возвращали на старые места мебель, народ стал расходиться, разводя руками, пожимая плечами, злобно комментируя глупость, свидетелем которой он стал, или презрительно отводя взгляд от нашего дома².

А наверху, на втором этаже, всего лишь в нескольких метрах над уровнем непонимания, мы заканчивали свое дело. Все приняло такой же вид, как и утром, после того как старинный комод, на который мы поставили обычные солнечные часы, занял свое прежнее место. (Все приняло совершенно такой же вид, как и утром, – только у нашего дома больше не было крыши.)

Чем больше взгляд наш насыщался новым видом жилья, тем сильнее разбегалась по телу волна приятных жарких мурашек. Успех всего предприятия, правда, с оговоркой, что все же было бы лучше подождать отсутствующих, признала даже Саша. Торжества по случаю окончания работ, устроенные в самой большой комнате второго этажа, она сделала еще более пышными, распустив по плечам волосы. Чуть позже полная луна, похожая на роскошное колесо старинного парохода, всплыла в синий квадрат нового потолка. Только после того, как ее серебряные лопасти перебрались за середину ночи, мы отправились на покой, который, безусловно, заслужили. Прислушиваясь к плеску неба, полный решимости бдеть до утра в комнате с открытым потолком остался только Подковник.

1. О тьме подвальной и чердачной

Кажется просто невероятным, как человек добровольно соглашается большую часть своей короткой жизни проводить между двумя тьмами. Наивно уверенный, что его надежно охраняют внизу прочный пол, а наверху балки потолка, он даже не думает о пагубности такого образа жизни. Конечно, редко случается, что люди проваливаются в подвальную тьму или им на голову обрушивается тьма чердачная. У смерти по имени Грызодуша медленные туфли, пелерина из тишины и лицемерная маска. Дело в том, что коварные магнитные силы, царящие между этими тьмами, вызывают их медленное, но неумолимое сближение. С течением времени уютное для человека жилье превращается в пожизненную ловушку. Тогда, пришипленный к собственной коробке, он ясно осознает фатальность своего заблуждения, однако, как правило, не находит достаточно сил, чтобы освободиться, а его душа отчаянно трепещет и бьется, попавшись в страшный капкан, пока не окончится жизнь. (См. энциклопедию «Serpentiana», главу «Общепринятый образ жизни и смерти».)

2. Разоблачение некоторых отрицательных явлений в обществе

Через три дня после того, как была снята крыша, один из наблюдавших за этим обратился в «Городской газете» (№ 1748), на странице, предназначенной для писем читателей, в строительную инспекцию. Свидетель события, конспиративно подписавшийся как «Добронамеренный гражданин», высказал глубокое негодование:

«<...> Хотелось бы задать компетентным товарищам вопрос: как долго собираются они смотреть сквозь пальцы на это и подобное этому безответственное поведение отдельных лиц?! У нас в городе, естественно, каждое здание имеет крышу, таким образом, этот дом портит внешний вид всего Предместья. Еще более странно утверждение наших сограждан, что они всего лишь изменили цвет крыши. Сейчас это якобы голубой, хотя крыша и вовсе не видна. Пусть даже и так, однако ввиду того, что у всех других домов крыши нормального красного цвета, нельзя не согласиться с тем, что голубой на этом фоне выделяется не только своим цветом, но и своего рода дерзостью по отношению к соблюдению устоявшихся принципов <...>»

Под письмом редакция опубликовала короткий ответ строительной инспекции, в котором была выражена решительная готовность детально изучить неприятный инцидент и дать общественности (а как же иначе!) самую исчерпывающую информацию относительно мер, принятых против нарушителей порядка.

Печальные-препечальные ряды домов, вереницы стен, редкая зелень, улица пересохла, людей нет, длинная нить паутины, свисающая с крыши, ветер, дующий низко, над самой землей, бесконечный хоровод бумажного мусора, настоящие утро и вечер сюда не заглядывают, среди немногих цветов доминирует сумрачный, безвольные снопы вечно параллельных линий, лишенных, даже в бесконечности, оправдывающей жизнь надежды на встречу.

Илл. 2. Вид Видосавлевич. Вид Предместья перед сносом крыши. 1989. Сериография. 84×80. Из коллекции Еленки Утьешиневич

Крыланы-подковники

Люди этой странной разновидности встречаются по всей Европе, чаще всего они живут в равнинных местах. Рост их всего несколько сантиметров, а кожа красновато-коричневого оттенка. Их интересуют все виды искусства, формулирование вопросов (и другие виды исследовательской деятельности), коллекционирование бабочек, старинных рукописей, будущих успехов и взглядов любимых женщин. Они нервозны и легко впадают в пограничные состояния. Чаще всего их можно встретить на берегу реки в послеполуденные часы, когда все остальные томятся в своих коробках-ловушках. Там, прямо на месте, под ивой или топодем, среди ракушек, улиток, волн и гальки, они внимательно следят за природой, пытаясь определить свою роль и степень своего участия в реализации ее законов. Ввиду того, что этим наблюдениям они предаются настолько самоотверженно, что по несколько дней могут провести без пищи и воды, их почти никто не замечает, так как, находясь в таком особом состоянии, они почти невидимы и еще менее понятны и без того невнимательной окружающей их среде.

Крыланов можно легко узнать не только по характерному рту, напоминающему своей линией подкову, но и по постоянной, а иногда и совершенно полной погруженности в собственные, необычайно разветвленные, наподобие кроны дуба, растущего посреди поляны, сны¹.

1. Отчасти человек – отчасти сон

Как говорит одна древняя легенда, сам Бог внедрил в сны рода человеческого, перенося из поколения в поколение, один Завет, тайную формулу, имеющую для человечества важнейшее значение. (Более подробно о феномене переноса снов из поколения в поколение см. в исследовании «Вывернутая перчатка» историка эзотерии М. Павича.) Считается, что Завет невелик по объему и хорошо спрятан в снах – никто точно не знает, в каком именно. То, как он выглядит, уже веками представляет собой предмет всевозможных домыслов. Одни говорят, что он написан на клочке бумаги; другие – что выгравирован на медной пластинке; по словам третьих, существует в устной форме – его должен произнести Старик, явившийся во сне. Тем не менее эти и многочисленные другие теории о том, как выглядит Завет, кажутся просто сосновой иглой по сравнению с целым бором предположений относительно его содержания. Приобретет ли тот, кто найдет Завет, вечную жизнь, неограниченную половую мощь, абсолютное знание или какую-то особую четвертую силу, остается невыясненным до сих пор. (Поэтому так прискорбно долгие списки тех храбрецов, которые расстались с жизнью в своих собственных, а чаще в чужих снах. Так же реально, как пахнет снявшийся цветок, может сорваться с кручи и увиденный во сне камень, а укус приснившейся змеи столь же смертоносен, как и настоящей; из некоторых снов очень трудно найти выход, но, кроме всего прочего, в снах обитает необыкновенно страшное существо по имени Морь.)

Время от времени забывавшаяся, иногда на протяжении годов запрещающаяся, снова всплывавшая и опять предававшаяся забвению легенда о Завете постоянно жила лишь в кругу рода крыланов-подковников. Упорный во всем, этот род людей упорно держался и за свои представления в этом вопросе: тот, кто увидит Завет, приобретет возможность изменить свой рост, сможет неограниченно вырасти. Поэтому, желая коснуться звезд и оттуда взглядом исследователя посмотреть на Смысл, крыланы-подковники всегда много спали, и видели много снов, и, невзирая на опасности, всегда тщательно исследовали их. Погруженные в поиски Завета, они и наяву, уже проснувшись, оставались в сетях своих снов.

Разумеется, надежды, связанные с возможной находкой магической формулы, не могли не коснуться и нашего Подковника. Движение воды, даже в тех случаях, когда она вышла из берегов, все равно определяет основное русло реки. Для Подковника найти Завет было равнозначно вопросу существования. Как и весь его вечно погруженный в сновидения род, он верил, мечтал и ждал момента, когда сможет войти в круг посвященных. Именно он был одним из самых горячих сторонников разрушения чердака – ведь тогда, в час, когда откроется тайна, ничто не помешает ему расти, сколько душа пожелает.

Несколько раз, убежденный, что напал на след Завета, Подковник всех нас, а в особенности Сашу, приглашал к себе, в свой сон, присутствовать при эпохальном открытии. «Готовьте корзины, я соберу для вас самые сияющие и самые крупные звезды!» – возбужденно кричал он (да что там кричал – орал он еще в постели). К сожалению, ни слова из Завета не было. Обычно выяснялось, что просто сон натер себе мозоль записками об изученных и неизученных областях, камешком, зернами, крошками или еще чем-то столь же несущественным и скучным.

Среди аргументов Подковника единственным более или менее серьезным доказательством существования Завета и его чудотворного действия, единственным ясно вырисовывавшимся следом на песчаной дороге надежды на возможность изменения роста был фрагмент из путевых записок «До Кавдака и обратно» известного Мусафира Хамида, выдающегося путешественника, одного из семи сыновей арабского географа Идриси, который вместе со своими братьями стал великим мучеником некогда святого дела картографии.

В 1139 году от Рождества Христова в славную гавань Палермо из туманного осеннего утра вошло большое судно. Не успели еще все его паруса освободиться от ветра, а по городу уже разнеслась весть, что по приглашению Роджерио II «для того, чтобы осветить все пространства и границы королевства», прибыл географ Идриси. На землю Сицилии высадилось еще семь молодых магометан, семь сыновей Идриси, зачатых в одну ночь семь лет назад семью женами географа, происходящими из разных краев Света. До следующего утра под изумленными взглядами граждан Палермо продолжалась выгрузка арабских, греческих и латинских книг, инструментов для измерения земли, инструментов для наблюдения за небом и тюков сухих листьев, из которых позже иностранцы готовили себе напиток, который они называли словом «чай». Знатные дамы потом в течение нескольких дней ходили на прогулку вдоль причала, надеясь, что их парчовые платья пропитаются пьянящим ароматом этих листьев, если в спешке или по недосмотру носильщиков несколько тюков осталось в утробе судна географа.

Король Роджерио II встретил гостя со всеми почестями, которые приличествуют тем, кто обучался в далеком городе Кордове. Иностранцев поместили во дворец, где была самая близкая к звездам башня. В помощь им были выделены слуги для приготовления напитка «чай», слуги для стряпни по магометанским правилам и слуги для ловли насекомых (светлячков), которыми географ наполнял свои стеклянные лампы. Так несколько следующих лет прошло в спокойных приготовлениях, которым никто не мешал. Сыновья Идриси еще из колыбельных песен знали языки своих матерей, а из других их песен многое узнали и выучили об обычаях и чудесах семи краев света. Отцу на Сицилии оставалось лишь познакомить их со знаниями, приобретенными в западных Афинах, – как наблюдать за высотой, облаками, ветрами, горами, водами, травами, камнями и огнем в глубине земли. Мальчики росли, читая до полудня Мирина Тирского и Страбона, а после полудня Птолемея и Ибн Эзру, прилежно рассматривая по ночам во сне мифическую горную цепь Кавдак – горы, которые окружают свет. Город Палермо вообще забыл бы о тихих иностранцах, если бы каждый день, незадолго до наступления сумерек их слуги не выходили на поиски светлячков, а из самой близкой к звездам башни не разносился бы постоянно запах чая. В те времена знатные дамы города Палермо с их платьями, напоенными ароматом волшебного напитка, превосходили в изысканности даже знатных дам города Сиена. По прошествии десяти лет со дня прибытия географа настал момент начать задуманное предприятие. Король Роджерио II оснастил суда, выбрал самые надежные команды и торжествами, подобных которым не помнила вся Сицилия, отметил день их отплытия. Наутро семь сыновей Идриси на семи одинаковых судах вышли в море. Граждане Палермо после выпитого накануне вина, еще туманившего их взгляд, не заметили, а король, глаза которого были не столь остры, как у тех, кто по ночам читает при свете лампы, наполненной светлячками, не увидел того, что не укрылось от географа: в открытом море суда отделились друг от друга, и каждый из его сыновей взял курс на тот край света, откуда происходила его мать, каждый своим путем направился к горам Кавдак, горам, стоящим на краю света. Молчаливыми шагами вернулся Идриси в самую близкую к звездам башню, открыл все лампы, выпустил рои светлячков и, даже не потребовав, чтобы ему приготовили напиток под названием «чай», стал ждать. Знатные дамы города Палермо испугались, что они потеряют свою привлекательность, если пьянящий аромат напитка «чай» выветрится из их платьев.

Илл. 3. Ди Паоло. *Географ Идриси и сыновья*. 1481. Триптих, картина первая, та, что с левой стороны (по мотивам неизвестной в настоящее время мозаики XII в.). Темпера на дереве. 343×148. Галерея Уффици, Флоренция

Илл. 4. Ди Паоло. *Географ Идриси и сыновья*. 1481. Триптих, картина вторая, та, что в центре (по мотивам неизвестной в настоящее время мозаики XII в.). Темпера на дереве. 343×148. Галерея Уффици, Флоренция

Тем не менее очень скоро, еще до того как созрели маслины, в Палермо начали стекаться сведения о небе, течениях, городах, дорогах. Рои светлячков сами слетались в лампы, и Идриси принялся тщательно записывать и зарисовывать все, что содержалось в отчетах его сыновей. Король Роджеро II был удивлен – юноши вели себя, как опытные путешественники. Для них не существовало быстрых течений, крутых троп, непроходимых лесов, кровожадных зверо-рей, опасных разбойников. Они продвигались вперед, каждый своим путем, пешком или верхом, на судне или в лодке. Настырные демоны малодушия осаждали их, искушая волю, но все семь упорно шли к цели и обо всем виденном сообщали своему отцу на Сицилию. Довольны были и знатные дамы города Палермо – снова приготавлился чай, и их платья снова благоухали волшебным ароматом. А в самой близкой к звездам башне рукопись «Географии» становилась все толще, карты пополнялись, свет теперь падал на многие до сих пор скрывавшиеся во мраке края света. Проходили осени, зимы, весны, лета, и в 1154 году, после того как поступили последние сообщения непосредственно с горы Кавдак, Идриси передал своему покровителю законченную книгу (названную в честь короля «Kitabi al Rogger»), все карты мира, разбитого на семьдесят секций («Tabula Roggenapa»), и одну большую карту мира, выгравированную на листе серебра (высотой в восемь и шириной в шестнадцать венецианских локтей). С края света, с мифической горы, увенчанной славой, к Идриси вернулись все сыновья. Все они получили почетное имя Мусафир. Один из них, Мусафир Хамид, описал свое волнующее путешествие в ста пятидесяти шести главах рукописи «До Кавдака и обратно». Вместе со всеми остальными братьями он погиб однажды ночью в 1160 году, отважно, но безуспешно защищая серебряную карту Мира, которую пытались растащить по кускам солдаты-мародеры во время одного из военных набегов на Сицилию. Если бы несчастные сыновья Идриси не получили коварных ударов ножами, их, несомненно, убил бы вид грабителей, жадно расчленявших небо, горы, реки и травы. В ту же ночь рои светлячков покинули Сицилию. Платья знатных дам города Палермо превратились в обычную парчу, а первенство в манере одеваться в запах имбиря перешло к знатым дамам городов Неаполь, Рим, Флоренция, Генуя и Венеция.

Илл. 5. Ди Паоло. *Географ Идриси и сыновья*. 1481. Триптих, картина третья, та, что с правой стороны (по мотивам неизвестной в настоящее время мозаики XII в.). Темпера на дереве. 343×148. Галерея Уффици, Флоренция

13. <...> На одном из судов, на третьей Великой воде, был и тот человек, о котором я слышал, что он может сам изменять собственный рост. Делал он это так: раздевался догола и вставал на носу, в то время как вся команда ждала в гробовой тишине. Спустя недолгое время морские птицы опускались на его плечи и голову – они рассказывали ему о том, что видно в пределах их горизонта, а он, получив знания о неведомых ему пространствах, начинал тянуться к небу, бодро, как утренний тростник. Благодаря этому капитан судна всегда вовремя мог узнать, не приближается ли суша и чьи паруса показались вдали – пиратов или торговцев. А с наступлением ночи, рассказывали мне, этот человек постепенно уменьшался и к приходу зари возвращался в свой старый рост. Если же капитану снова требовалась помощь вперёдсмотрящего, все повторялось так же, как и в предыдущие разы. И поскольку я все-таки не мог в это поверить, мне рассказали, что этот человек относился к роду крыланов-подковников. Этот вид вообще-то во многом схож с другими человеческими видами, однако среди них время от времени рождаются счастливицы, которым удается раскрыть тайну особого Завета – Завета, дающего посвященным в него возможность изменять собственный рост. Но

когда я захотел увидеть сам этот Завет, все тут же стали клясться своим Богом, что это невозможно. Завет хранят даже не так, как остальные ценности, а еще тщательнее – во сне. И из сна в сон передают, словно из поколения в поколение. Я тогда решил подробно извести обо всем отца и потребовал встречи с этим человеком. Я хотел упросить его, невзирая на все возможные опасности, принять меня в свой сон – вдруг мне повезет и я увижу там то чудо, которое одаряет божественными возможностями. Между тем я неожиданно получил письмо с Сицилии, которое содержало требование ввиду необходимости, возникшей в связи с составлением «Географии», незамедлительно направиться в сторону Страны зеркал, что я и сделал, с тяжелым сердцем отказавшись от своего намерения <...>

Илл. 6. Мусафир Хамид. Путевые дневники «До Кавдака и обратно» (единственное письменное подтверждение существования Завета, который дает посвященным возможность изменять собственный рост). Ок. 1150. Сохранившийся фрагмент тринадцатой главы. Fol. 2. № Н-14. Библиотека Гази-Хусревбека, Сараево

Господин Половский

С первыми лучами солнца господин Половский входит в парк. Садится на свою любимую скамейку и ждет. Обычно он сидит вполоборота к памятнику Орфелину, стоящему на берегу аллеи, посыпанной белым щебнем. Рождающееся солнце делает этот пейзаж необыкновенно красивым, однако господин Половский находится здесь не для того, чтобы наслаждаться пропорциями памятника, чарующей игрой мягкого утреннего света или свежестью воздуха. Он здесь для того, чтобы ждать.

Стоит солнечным лучам засверкать более решительно, появляются голуби, а вскоре после них – старики. Позолоченные зернышки привлекают веселье птиц. Щебет перемещается из крон деревьев на клумбы с цветами. Однако господин Половский находится в парке и не для того, чтобы кормить голубей, как это делают его сверстники. Он здесь для того, чтобы ждать.

Чем старше становится день, тем больше людей в парке. Сейчас здесь и дети, и те, кто выгуливает собак, и влюбленные пары. Фонтанами журчат сотни голосов, брызжут капли искристого смеха. Однако и променады радости не представляет интереса для господина Половского. Он здесь для того, чтобы ждать.

А затем, после десяти часов, глубокий вздох – господин Половский взволнован. Он поворачивается лицом к памятнику Орфелину, вокруг которого, танцуя в воздухе, неутомимо кружит, как он заметил, и летом и зимой одна и та же бабочка. Как и годы назад, он на миг удивляется этому, но тут же смотрит на часы, проводит рукой по волосам, поправляет лацканы пиджака безо всякой нужды, приглаживает бородку, разглаживает брови, пощипывает щеки и совершенно перестает моргать.

Замечает ее господин Половский еще издали, сразу же, как только она появляется из-за стволов лип. Вот в развевающемся костюме цвета букетика цикламенов она подходит к памятнику и вступает на аллею, где одиноко стоит его скамейка. Высокая, с распущенными волосами, стройной фигурой. А как она идет! Юбка из тонкой ткани волнующе очерчивает линию ее ног. Ветер свободно играет прядями ее волос. Все в ней приковывает к себе взгляды гуляющих. Но она – она идет прямо к нему. Белый щебень крошится под ногами! Белый щебень шуршит под ногами! Вот чего ждал господин Половский!

Разумеется, он знает, что эта девушка и не думает спешить ему навстречу. Он с ней даже незнаком. Но после того, как загадочная девушка проходит мимо него, каждый день около одиннадцати часов, господин Половский встает со скамейки и со счастливым выражением лица, с сердцем, переполненным, как весной бывает переполнена многоводная река, направляется к выходу из парка. «Да, – думает он в этот момент, – чертовски приятно кого-нибудь ждать».

19 января 1785 года Захария Стефанович Орфелин, поэт, учитель, секретарь, путешественник, автор богословских и научных трудов и школьных учебников, живописец, редактор, печатник, гравер, каллиграф, бессребреник, виноградарь, физик, историк, первый сербский картограф, составитель календаря, человек, изучавший медицину, музыку и геральдику, сломленный нуждой и неблагодарностью, истерзанный лихорадкой, заснул где-то на хуторе неподалеку от Нови-Сада сном, из которого уже не вернулся. Приснилось измученному Захарии, хотя на дворе трещал мороз, что он находится среди роскошного парка. Приснилось убогому Орфелину, как он прогуливается по ухоженным аллеям, посыпанным мелким белым камнем, а мимо него мелькают люди с веселыми лицами и солнце благословляет деревья, траву и его самого. Приснилось бедному Захарии, как он идет (хотя он не понимал, как может двигаться, не обладая весом), приснилось, как подходит к высокому памятнику из блестящей бронзы,

как дивится работе мастера и статности отлитого человека с умным лбом. Приснилось всеми покинутому Орфелину, как он читает, потому что он знал буквы, как читает слова на плите у подножия памятника: «Захария Стефанович Орфелин. 1726–1785». И еще приснилось честному Захарии, как он пробуждается и с легкостью такой, которой не было у него при жизни и какая пристала праведникам, отпускает свою душу, словно бабочку, в явь. Улыбнулся трудолюбивый Захария Орфелин в своей освященной постели, всегда, мол, ему снились сны, объемлющие многое, а вот сейчас смог увидеть и большее – во сне обнял и сон, и явь.

Илл. 7. Сава Й. Годорович. *Памятник Орфелину*. 1926. Бронза. Высота 258. Липовый парк, Град

Появления тети Деспины, чрезмерная тщательность в прическе и весенние работы

Время от времени в одной трети Северного зеркала¹ появляется Богомилова тетья – Деспина. Сначала слышится стук, как это обычно и бывает, когда приходят гости, потом доносится тонкий голос: «Хозяева, есть ли здесь кто?!» – и после этого часть зеркала становится прозрачной и показывается лицо. Тетья Пина всегда в хорошем настроении, а перемены можно заметить только в ее одежде, в зависимости от того, из какой страны она нам является: на ней то шляпа «сафари», то шуба из горностая, а то и костюм в мелкий цветочек, а как-то раз (когда она явилась нам в большой спешке) она «прибыла» в розовой ночной рубашке. Разговаривая (изрядная часть семьи назвала бы ее болтливой), она и не ждет, чтобы мы все собрались перед зеркалом, она интересуется семейными новостями, рассказывает всякую всячину, обязательно описывает свой новый роман и обязательно раскаивается в предыдущем, спрашивает, пишут ли у нас о ее последнем предприятии, просит своего племянника побережиться от простуды и столь же неожиданно, как и возникла, исчезает из зеркала, оставляя нас в изумлении своим упорством, с которым она занимается невероятно странными делами. Из рассказов Богомила, а отчасти и от нее самой мы знаем, что в Китае она интересовалась скрещиванием бабочек с хризантемами, вместе с сибирскими шаманами превращала облака в добрых джиннов, участвовала в экспедиции по поискам миража к югу от Марракеша, в лесах Бразилии уничтожала тарантулов, в Эр-Рияде выучилась ткать ковры-самолеты... В настоящее время она находилась в одной заморской стране, где с помощью рогатины пыталась отыскать границу между всеми тремя временами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.